

Введение

Против эссенциализирующей психологии

Среди прочих дисциплин критическая психология является попыткой проблематизировать место психологических объяснений в моделях власти и идеологии. В этом отношении важно, что мы осознаем *силу* психологического знания, тот факт, что оно имеет авторитет и власть, особенно в западных обществах, и особенно при обращении к вопросам нормы и аномалии, а также проблеме «истинности» глубинных внутренних состояний человека. В этой связи главной целью критической психологии является оспаривание эссенциализирующих форм психологии. Это те разновидности психологии, что порождают внутренние неизменяющиеся и вневременные категории личных черт человека, становящиеся неизбежными, а потому оказывающие детерминирующее влияние на тип человека, о котором идет речь. Детерминирующее, по крайней мере, в том, как люди начинают понимать себя, и как их понимают другие.

Почему эти эссенциализирующие тенденции представляют такую проблему для критической психологии? На самом базовом уровне такие категоричные способы мышления скрывают расизм, сексизм и различные формы предубеждения. Зачастую они являются теми средствами, с помощью которых повторяются, укрепляются, получают своего рода психологическое основание, а отсюда и значительную форму «реальности» определенные доминирующие конструкции мира или определенных групп людей. Эти эссенциализирующие тенденции выступают основным способом, с помощью которого *конструируемые* и *политические* понятия становятся нормализованными, натурализованными и *психологизированными*. Другими словами, это одно из важнейших направлений, где психология функционирует *идеологически*. Как только мы понимаем это, становится ясно, почему сокрушающий приоритет критической психологии заключается в схватывании того способа, которым психология *отражает*, а значит, и воспроизводит современные культурно-специфические и исторически обоснованные предположения о природе человека, его опыте и поведении (Parker, 1999).

¹ Версия данной статьи была опубликована: Parker, I. Psychoanalysis and critical psychology. // Critical Psychology / D. Hook, N. Mkhize, P. Kiguwa, A. Collins, E. Burman, I. Parker. (Eds.) — Cape Town: UCT Press, 2004. — P. 138—161.

Пер. с англ. Е.А. Фроловой.

Идеологическая сложность психоанализа

Психоанализ является одной из старейших форм психологического объяснения. Например, в своих доминирующих англоговорящих формах психоанализ давно пытается заинтересовать психологов своей работой и старается легализовать себя, следуя за обычным психологическим исследованием. Однако психоанализ вовсе не заставляет нас быть критичными, и он не обязательно выступает против эссенциализирующих тенденций психологии, иногда он даже распространяет их. Отсюда одна из главных целей данной статьи — подвергнуть критике ряд психоаналитических объяснений, особенно из кляйнианского психоанализа, действующих в описанных выше эссенциализирующих направлениях. Вторая цель данной статьи также находится в поле критического рассмотрения психоанализа. Однако здесь главная цель — выявить те радикальные элементы психоаналитической теории, которые обычно «отсеивают» по идеологическим соображениям, входящим в структурную психологию. Представляется, что психоанализ обладает неким радикальным потенциалом, который нам не следует с ходу отвергать лишь потому, что определенные области применения психоанализа политически консервативны. Наряду с известными формами психоанализа, здесь не менее важно рассмотреть те его формы, которые *не* используют столь часто. Если это тот случай, когда психология структурируется вокруг идеологических забот капиталистического общества, когда она конструирует то, что хотела бы обнаружить, — а именно (и наиболее типично), *отчуждаемого соперничающего субъекта капиталистического общества*, — в таком случае любая формулировка субъективности, выходящая за эти рамки, будет систематически *отфильтровываться* (Parker, 1997). Вероятнее всего *представляется*, что это тот случай, когда большая часть психоаналитической теории «идеологически культивирована», приведена в соответствие с рядом *status quo* **предположений и современных толкований**. Тем не менее, это не все, что предлагает психоанализ. Такое идеологически культивированное использование психоанализа не исчерпывает всех его потенциальных критических распространений или применений. Принципиальная цель критической психологии заключается в схватывании того способа, которым психология отражает, а значит, и воспроизводит современные культурно-специфические и исторически обоснованные предположения о природе человека, его опыте и поведении.

Радикальный потенциал психоаналитической мысли

Фактически в психоаналитической теории остался радикальный критический и политический потенциал, что и пытаются показать некоторые теоретики на протяжении более 50 лет. Критическая теория франкфуртской школы — особенно Адорно и Маркузе (Marcuse, 1969), — рассматривает психоанализ в данном направлении (Elliot, 1992) так же, как и психоаналитик Райх (Reich, 1970), марксист Альтюссер (Althusser, 1971), ряд теоретиков феминизма, такие, как Митчелл (Mitchell, 1974), а также Кристева, Irigaray и Cixous, и ряд **постколониальных мыслителей**, таких, как Bhabha, Spivak и, конечно же, Фенон (см. Moore-Gilbert, 1997).

На самом деле, можно доказать, что если бы нам пришлось пренебречь подрывным потенциалом психоанализа, это было бы большим упущением для критической психологии. Почему так? А потому, что психоанализ основан на понятии бессознательного, которое, по крайней мере, по Фрейду, является источником тех греховных желаний, которые нельзя репрезентировать в сфере символического (то есть в сфере языка, закона и/или социального авторитета) и которые лишь в искаженных и скрытых формах можно допустить в область культуры.

Новые формы теории и объяснения

Здесь есть важный урок для критической психологии. Критическая психология не должна становиться статичной формой критики, предназначенной лишь для указания, дестабилизации и выделения идеологического содержания или функционирования психологии. Продолжая в том же духе, критической психологии не следует сосредоточиваться лишь на том, что было «отсеяно», позволено в рамках более широкого психологического дискурса. Если бы все это составляло критическую психологию, если бы это была конечная сумма ее подхода и содержания, тогда в рамках более широкого психологического дискурса ее вскоре низвели бы практически до положения сторожевой собаки. Другими словами, она практически равнялась бы второстепенному критическому элементу, который легко сместить и который не в состоянии по-настоящему справиться с массивной ортодоксальностью обычной психологии. Вклад критической психологии должен быть более проактивным и более прочным. Критической психологии необходимо следить за радикальным потенциалом как того, что находится *вне психологии*, так и того, что находится на периферии (как в случае заброшенных аспектов психоаналитической теории), с целью ввести в саму психологию соперничающие формы теории и объяснения. От критической психологии требуется большее, чем указание на идеологическую сложность стандартной психологии, ей следует продвигать и поддерживать соперничающие теории и формы объяснения, которые противостоят этим идеологическим предрассудкам, и противостоят постоянно.

Далее в этой статье я буду исследовать то, каким образом психоанализ может быть выгодно связан с критической психологией. Поэтому хочу предостеречь, что нам нужно отклонить все реакционные в психоанализе идеи, которые могут увести нас от психологии и привести к чему-то не менее плохому. Более того, я докажу, что мы должны отказаться от психологизации психоанализа, которая может увести нас из состояния критичности обратно в старую реакционную психологию. От критической психологии требуется большее, чем указание на идеологическую сложность стандартной психологии, ей следует продвигать и поддерживать соперничающие теории и формы объяснения, которые противостоят этим идеологическим предрассудкам, и противостоят постоянно.

Чем является и чем не является психоанализ

Психоанализ — это «лечение проговариванием», развитое Зигмундом Фрейдом и его последователями в конце XIX века. Его первый посыл о том, что проговаривание травматичных событий будет иметь «катартический» эффект (с инсайтом и чувством, что человек разрядил внутри себя нечто болезненное), позже развился и трансформировался в полноценную теорию того, как младенцы становятся людьми, способными ходить и говорить. В средствах массовой информации часто ссылаются на хорошо известное психоаналитическое описание «эдипова комплекса» (когда ребенку приходится бороться с соперником — в нуклеарных семьях западного стиля это, как правило, отец, — за свой первый объект любви — обычно за мать) и «оговорки по Фрейду» (когда бессознательное желание к другим, сформированное в результате первых противоречивых отношений любви и ненависти к родителям, ежедневно проявляется в скрытой форме). Но что кроется под этими распространенными репрезентациями, которыми занимается психоанализ?

В работе Фрейда психоанализ определяют две ключевые идеи, и они же определяют поле боя психоанализа на протяжении последнего столетия, а именно понятия *бессознательного* и *сексуального желания*.

Бессознательное

Первой определяющей идеей психоанализа является понятие бессознательного. «Бессознательное» составляет область психической активности, действующей независимо от нашего сознательного контроля, проявляя себя неожиданным образом в нашей обыденной жизни в сновидениях, оговорках и шутках. По крайней мере, в классическом психоанализе бессознательное является одновременно объемным хранилищем недоступных воспоминаний и переживаний и складом наиболее беспокоящих идей и импульсов, которые вызвали бы у нас, мягко говоря, отвращение и беспокойство, столкнувшись мы с ними напрямую. Это идеи, которые были «вытеснены», потому что слишком болезненны, и потому, что если их признать, они вызвали бы массивную тревогу, это идеи, которые все еще действуют в бессознательном и проявляются в замаскированных формах как оговорки, шутки и сновидения. Здесь важно отметить, что бессознательное, по Фрейд, строится на наших самых ранних желаниях и потерях, и что эти мощные детские эмоции и нужды составляют систему «фиксированных значений». Считается, что эти значения влияют на все, что мы делаем, и мы даже не осознаем этого. А все потому, что они слишком стары, «примитивны», они исходят из самых базовых детских эмоций, которые нам трудно принять или с которыми нам трудно идентифицироваться. В этом отношении Фрейд понимает бессознательное как «не знающее времени», как не изменяющееся в своих базовых компонентах. Фрейд принимал всерьез такие явно бессмысленные и быстротечные аспекты нашей обыденной жизни как сновидения, оговорки, шутки и т. д. Психоанализ — это способ толкования значения наших обыденных поступков, деятельности и желаний с тем, чтобы раскрыть, как действует бессознательное в выборе, который мы делаем, и в реакциях на других людей.

Что означает бессознательное для психологии

Психология с удовольствием рассматривает «не-осознанные» процессы и показывает, что на самом деле люди не знают, что делают. Психоанализ идет дальше в объяснении сознания и ставит под сомнение предположение, что любой психолог знает лучше нас самих, что мы делаем. Здесь необходимо обозначить точку критического размышления. Как только вы поднимете вопрос о бессознательном, вам придется изучить то, что, как думают психологи, они делают, когда изучают других людей. Представляется, что особенно это касается тех случаев, когда психологи квалифицируют себя как способных толковать поступки и мысли людей лучше их самих. Психоанализ — это способ толкования значения наших обыденных поступков, деятельности и желаний с тем, чтобы раскрыть, как действует бессознательное в выборе, который мы делаем, и в реакциях на других людей.

Сексуальное желание

Второй определяющей идеей психоанализа является идея сексуального желания. Психоанализ рассматривает бессознательное сексуальное желание как главную движущую силу человеческих отношений. Более того, психоанализ также рассматривает бессознательную сексуальность как необычное сочетание влечения к соединению и эротическому удовлетворению, что сильно отличается от наших обыденных взрослых сознательных представлений о том, что такое секс. «Вытеснение» наших сексуальных желаний психоанализ считает необходимой частью взросления. Кроме того, подразумевается, что мы используем разного рода защиты от наших желаний на протяжении всей своей жизни. Эти желания влияют на то, к кому мы привязываемся на индивидуальном и интрапсихическом уровне. Более полные формы этих желаний очевидны и в социальном мире, ими манипулируют в репрезентациях средств массовой информации, как, например,

в рекламируемых образах, подразумевающих получение нами некоего рода сексуального наслаждения от покупки определенных товаров.

Практически всегда обычная психология сводит сексуальность до банально-го и предсказуемого вопроса «существуют ли какие-либо половые различия?» Психоанализ превращает этот вопрос в более радикальный, а именно «как “половые различия” определяют то, кем вы себя считаете?» Здесь важно должным образом уловить психоаналитическое понятие желания. Один из способов сделать это — предположить, что люди — единственные создания, способные по-настоящему переживать сексуальное желание в мощной субъективной и психологической форме, т. е. способные переживать желание *больше простого удовлетворения репродуктивных инстинктов*. Иначе говоря, люди начали ценить разнообразие телесных ощущений, первоначально связанных с инстинктивными потребностями, но впоследствии начавших приносить удовольствие, *помимо выполнения какой бы то ни было биологической или физиологической функции*. Вот почему термин «инстинкт» вводит в заблуждение. Фрейд эксплицитно использовал немецкий термин «*Trieb*», **который следует переводить как «влечение»**, это сила, находящаяся на границе физиологического и психического. То, что мы переживаем как влекущее нас, всегда наделяется смыслом, и для психоанализа это не просто биологически установленный двигатель (Bettelheim, 1986).

Именно такого рода сексуальность Фрейд имел в виду, говоря о сексуальном желании, стремлении к удовольствию, ее можно отделить от потребности выжить, она формирует *привычку и тенденцию* и оказывает сильное влияние на паттерны поведения, предпочтения и антипатии, которые мы будем проявлять в дальнейшей жизни. По правде говоря, в классических фрейдовских терминах сложные и болезненные процессы, благодаря которым мы становимся сознательными субъектами человечества, отмечены «инфантильной сексуальностью» и тем, что мы и другие с ней делаем.

Что сексуальное желание означает для психологии

Обычная психология считает, что ведущиеся в психоанализе пересуды о бессознательной сексуальности очень сложно инкорпорировать в модели разумного индивида, разговор о таких вещах нарушает любые четкие границы между индивидуальным и социальным. Почему так? Ну, во-первых, потому, что когда дело доходит до вопросов сексуальности и желания, индивид просто-напросто «не знает» себя сколько-нибудь устойчиво. Согласно психоанализу, мы не всегда до конца знаем, почему делаем то, что делаем — фактически большую часть времени мы абсолютно не знаем все причины, по которым совершаем поступки или делаем определенный выбор. Это бросает нечто вроде вызова разумному, «способному знать» индивиду, составляющему фокус большинства направлений психологии.

Более того, сексуальность в данной выше фрейдовской интерпретации чрезвычайно гибкая, податливая, адаптивная, не нуждающаяся ни в какой предрасположенной форме или содержании. Здесь важно то, что, по Фрейду, мы не гетеросексуальны от природы, точно так же, как от природы мы не тяготеем сексуально к какому-то типу личности или одному базовому типу сексуального взаимодействия или акта. Существует мощное антиэссенциалистское напряжение в отношении фрейдовских понятий сексуальности, игнорирующих общепринятые представления о том, что является сексуально «нормативным», а что нет. Мягко говоря, для Фрейда не существует нормативной модели ранней сексуальности, все мы начинаем жизнь в полиморфно искаженном состоянии, фраза, которую Фрейд придумал, дабы предположить, что у нас еще нет предпочтительной формы сексуального удовольствия или сексуального партнера, или части тела. Такой подход к сексуальности также трудно вписывается в обычную психологию, где он допускает нестрогую определяющую линию между индивидуальным

и социальным. В самом деле, если форма нашей сексуальности не predetermined, а, вместо этого, исходит из взаимодействий с внешним миром, то вопрос о том, кем мы являемся, по крайней мере, будучи сексуальными существами, всегда кажется своего рода переговорами между индивидуальным и социальным. Точно так же, если сексуальное желание, трактуемое как жизненно важное для обретения личных черт индивида, всегда выступает своего рода отношением к предметам вне нас, мы никогда не сможем изолировать индивида, обращаться к нему в отрыве от социального мира, который всегда влияет на то, каким индивид является и каким он хочет быть. По этим причинам психоанализ вызывает беспокойство не только у психологов, но и у тех видов бюрократического контроля и тех форм банального дискурса и понимания, которые хотят точно знать, кто мы, и прикрепить нас к своим категориям пола, расы и личности.

Психоанализ против эссенциалистской психологии

Психоанализ четко ставит перед нами вопрос о том, кто мы такие и как ими стали, вопрос, на который нет ясного ответа, вопрос, который пренебрегает любой попыткой отыскать основные неотъемлемые психологические процессы. В качестве части нашего критического внимания к идеологическим формам, хорошо совместимым с обычной психологией, и во избежание этого в развитии собственных перспектив нам необходимо подтвердить документально те реакционные мотивы, которые говорят нам, что мы не можем изменить общество, потому что не можем изменить основополагающую природу людей. Здесь мы видим форму чрезвычайно идеологического психологического мышления — оно препятствует любой попытке изменить общество, и наши нынешние обстоятельства предстают такими, будто другими и не могут быть, будто на самом деле нет никаких социальных, политических и исторических альтернатив. Некоторые из этих наиболее реакционных мотивов появляются, когда психоанализ превращает расовое отличие в неотъемлемое асимметричное отличие, которое невозможно изменить.

Как критическая психология может использовать психоанализ

Сейчас мы посмотрим, как разновидности психоанализа могут быть полезными для работы критической психологии и наоборот. Мы сделаем это следующим образом. Во-первых, посмотрим, как психоаналитические подходы служат эссенциализации своих оснований во имя истины (т. е. надо найти под поверхностью непреложные факты, которые объяснят все). Во-вторых, обратим внимание на то, как прагматично может функционировать психоанализ на службе критической работы (т. е. насколько он может быть тактичным и открытым для различных возможностей, которые могут быть нам полезны). В-третьих, будем надеяться на открытие пространства для размышления о *конструкциях* собственных оснований психоанализа (рассмотрим, как формировались его аргументы в отчетливых культурных контекстах). В каждом случае мы будем рассматривать институциональные процессы, клиническую работу и стратегии исследования. Вопрос здесь в том, как понять способ, которым психоанализ укореняется в культуре, как он может функционировать, чтобы облегчить страдание, и как можно сделать психоаналитические идеи полезными для критического исследования в психологии.

Эссенциалистский психоанализ: возможности и опасности

Одна из проблем психоанализа состоит в том, что люди, которые действительно в него верят, с проповедническим рвением пытаются распространить его, что вписывает любое изучаемое им явление в сеть скрытых устойчивых смыслов. Мы наблюдаем эссенциализм и в попытках объяснить в психологически-редукционистских

терминах историю и эффекты угнетения, а также в попытках открыть в материале исследования основополагающие процессы, которые, согласно психоанализу, должны там быть. Здесь психоанализ выступает в качестве метаповествования, этакой привилегированной формы объяснения, отчета, истории или теоретической системы, которая по своим объяснительным качествам считается выше остальных. Таким образом, психоанализ становится самой «настоящей» формой доступного объяснения, а теоретические постулаты и конструкты, о которых он говорит, материализуются. Отсюда психоаналитические формы объяснения начинают с неоспоримой реальностью и важностью проецироваться на мир, на все виды социальных феноменов. Здесь мы видим одну из главных опасностей психоаналитической мысли: то, что декларировалось как способ *интерпретации* мира, становится способом его *конструирования*, навязыванием миру психоаналитических категорий и понимания.

Давайте по отдельности возьмем каждый из компонентов проблемы в эссенциалистском психоанализе и рассмотрим институциональные, клинические и исследовательские аспекты данного подхода.

Институциональные контексты новых форм колониализма

Психоанализ обладает встроенным механизмом надежной работы, включаемым тогда, когда критические исследователи сначала не только пытаются, но и используют идеи психоанализа, а затем размышляют о его недостатках. Мы можем рассматривать этот механизм как «механизм защиты», проявляющийся в аргументе, что психоанализ могут понять лишь те, кто прошел через него, поэтому только практикующие психоаналитики могут комментировать недостатки данного подхода. Защитный механизм являет собой нечто такое, что психоанализ обычно распознает *в индивидах*, однако психоаналитическая теория оказывается политически полезной, когда мы можем использовать ее не только для анализа индивидов, но и, что важнее, для *анализа обществ*. Именно в этом смысле психоанализ может действовать институционально в качестве самозащищающего дискурса. За этот аргумент должны ухватиться критические психологи, даже не вовлеченные в клиническую работу, поскольку он обладает рядом важных смыслов для радикальной работы любого рода. Последствия этого традиционного психоаналитического аргумента обращают внимание и на необходимость тщательного изучения психоанализа критическими психологами.

Клинические объяснения политической истории

Обращаясь к клиническим смыслам, мы находим в психоанализе некоторые интересные предположения, например, как конструируется идентичность. Тем не менее, опасность здесь в том, что, как предполагается, авторитет аргумента лежит на психоанализе *как универсальной истине*. Например, одна из лучших критических работ по расизму соскальзывает от специфических описаний расизма настоящего к идее о том, какова *на самом деле* неизменная человеческая природа. Когда Мелани Кляйн (Klein, 1986) пишет, например, об агрессивных фантазиях разорвать, покусать и вычерпать внутреннюю часть матери, нам приходится спрашивать, как она могла заметить такие вещи в определенный момент, а не истолковывать эти описания как «присущие человеческой природе» (Young, 1993, P. 10). Кляйнинские описания очень резкие (так сказать), но это не значит, что «вовлеченные сюда силы чрезвычайно примитивны» (Ibid.). Если считать расизм результатом, к примеру, действия кляйнинских «примитивных» защитных механизмов проективной идентификации, то большинство может надеяться на то, что в клинической работе с расистами или жертвами расизма будет происходить сдвиг от жестокой деструктивной патологии в сторону «депрессивного» признания и форм

«репарации», к тому же допуская, что эти тенденции всегда будут находиться где-то под поверхностью, готовые прорваться снова. Другими словами, использование психоанализа в данном отношении позволяет рассматривать расизм — или другие болезни общества — странным образом как нечто «естественное», как глубоко мотивированный внутренне феномен, как нечто врожденное, неизменяющееся, и, что еще хуже, *неизменяемое*. Возможно, это и не является намерением первоначальных теоретиков, но — и здесь содержится важный урок для критической психологии, — нам всегда нужно спрашивать, *как* можно использовать данную, психологическую теорию, для подтверждения *чего* она может использоваться...

Немалая доля критического интереса содержится в понимании Францем Феноном (Fanon, 1986) процессов расистской колониальной объективизации, в понимании, фокусирующемся на опыте и идентичности тех, кто подвержен расизму, и обладающем смыслами для психоаналитических оценок. И снова попытка соединить идеи Фенона с британской психоаналитической теорией «объектных отношений» имеет определенные смыслы для клинической работы. Сочувственная реакция на описания Феноном того пути, по которому колонизированный субъект пытается интегрировать униженный образ самого себя, звучит так: «Если толковать в рамках объектных отношений, то это волнующее описание работы по направлению к депрессивной позиции: черное Я должно быть принято, сначала в ликующем облегчении того, что это возможно, затем постепенно должен быть признан и оплакан ущерб, нанесенный ему в ходе его предыдущего унижения, субъектом» (Davids, 1996, P. 232). И опять «депрессивная позиция» это то, что в любой момент может быть сорвано параноидно-шизоидным расщеплением. И снова клиническая интерпретация политических феноменов «натурализирует», делает неизбежным, предлагает свои способы объяснения, вместо способов более исторически, социально и политически продуманного специфического типа объяснения, то есть рискует сделать универсальным то, о чем она говорит.

Исследование, в которое вы включены

Когда психоанализ рассматривается некритически, возникает проблема, буд-то он действительно знает о внутренних ментальных процессах, которые можно раскрыть в ходе исследования. Критические психологи должны быть начеку, читая текст, рассказывающий о том, какова на самом деле психика младенца, так как в такие моменты нас подкупают смыслы не только для клинического лечения, но и для этики исследования. Например, одно современное качественное исследование страха преступления в Британии для интерпретации материалов интервью использует кляйнианскую теорию. И опять есть риск соскользнуть с разъясняющей оценки способа, которым *может* быть понят страх преступления, на предположение, что *описание это и есть объяснение!* Мы можем увидеть, как это происходит в подходе, который рассматривает страх преступления как «согласующийся с параноидно-шизоидным расщеплением хорошего и плохого» (Hollway & Jefferson, 2000, P. 20). **Раз описание принимается за истину, то здесь каждый человек должен вписаться в психоаналитические категории:** «Разные люди будут характеризоваться преобладанием той или иной защитной организации — параноидно-шизоидной и депрессивной — как их типичной реакцией» (Ibid., P. 21). Представляется, что использование здесь психоаналитического объяснения в большей мере озабочено самим собой, оно расширяет и «проверяет» собственные концепты и категории, а не адаптируется к тому, чтобы объяснить мир, который мы можем засвидетельствовать.

В этой бескомпромиссной кляйнианской традиции имеются смыслы и для этики исследования, напрямую противоречащие попыткам критических психологов превратить процесс исследования в то, что открывается участникам как «со-исследователям». Такой подход затрудняет проведение чего-то, соответствующего

«изучению деятельности», т. е. тем формам исследования, где исследователь и субъекты исследования или, точнее, участники исследования, работают вместе, чтобы провести исследование и вызвать определенные формы социальных или политических перемен. Если относиться к материалу интервью как к клиническому материалу, который можно подвергнуть психоаналитической интерпретации, становится понятно, почему исследователь может отказаться обсуждать свое мнение с участниками. Холлуэй и Джефферсон (*Ibid.*, Р. 100), например, с удовольствием говорят о «честности», с которой они обращаются к «данным открыто и без всякого предпочтения», но в силу природы интерпретаций они не могут быть честными с участниками и говорят, что по «этическим» причинам они не берут назад свои интерпретации для обратной связи. Это совершенно логический аргумент, но он действует, если только работать, исходя из предположения, что критическое исследование должно основываться на модели кляйнианской клинической практики. В таком случае психоаналитические идеи, которые можно использовать тактически, превращаются в форму истины, которая, подобно многим другим формам обычной психологии, защищает в первую очередь исследователя, а не тех, кого он изучает. Более того, эти формы истины недоступны для тщательного изучения тем, кого исследуют, они становятся защищенными «истинами» — иными образцами психоаналитического дискурса, использующегося выборочно и ограниченно, в котором определенные люди могут выступать с декларациями о мире, о котором другие не могут спросить.

Обращение психоанализа против себя самого?

Критические психологи считают, что для психоанализа до сих пор вещи не кажутся столь привлекательными, даже если используемый подход выдвигает интригующие предположения, например, что мы можем думать о политике, терапии и исследовании. Типичное «критико-психологическое» движение здесь можно использовать для деконструкции требований к истинности психоанализа, для трактовки этих требований к истинности, как будто они сами были структурированы «проективной идентификацией». В каждом случае мы видим попытку навязать материал другим и заставить их принять его за истину. А пока это интригующее занятие будет подвергать психоаналитиков их собственным любимым процедурам, нам на самом деле не нужно, чтобы психоанализ придавал смысл этому процессу. Внимание к истории и власти сделает все как надо, как оно всегда делает в настоящей критической психологии. Но давайте обратимся к тем направлениям, когда психоанализу легче находиться в дополнении к критической работе в пределах и вне дисциплины.

Прагматичный психоанализ: вопросы о субъективности и истории

Несмотря на сказанное в начале этой статьи об опасностях эссенциализма, работать со «стратегическим эссенциализмом» возможно, а именно возможно серьезно отнестись к тому, как исторически формы идентичности были связаны с определенными формами угнетения. Стратегия здесь состоит в том, чтобы говорить с какой-то позиции (например, позиции женщины или чернокожего), потому что это тот случай, когда человека уже позиционировали другие. Это именно «стратегия», потому что она отказывается принимать как должное категории, используемые другими, и дабы освободить субъекта от этих категорий как чего-то фиксированного, она играет с ними. Стратегический эссенциализм позволяет понять, как нас превратили в субъектов, структурируемых понятиями пола и расы (например), которые вплетаются в паттерны власти. Более того, стратегический эссенциализм помогает понять, как те, кому отказали в праве говорить, могут сейчас воспользоваться этим правом, как раз для того, чтобы демонтировать эти угнетающие структуры.

Более прагматичным применением психоанализа является исследование того, как исторически конституировались субъективности угнетателей и угнетенных. Давайте обратимся к институциональным, клиническим и исследовательским аспектам этого прагматического подхода.

Психоаналитическая перспектива в исследовании

Одним из полезных аспектов психоанализа является то, что он поднимает вопросы о субъективности исследователя и помогает нам задуматься о нашем собственном месте в любого рода исследовании. Обычная психология пытается достичь объективной позиции путем исключения субъективного компонента, и в этом одна из ее проблем. Обычно тщательно изучается то, кого следует выбрать для исследования конкретной темы и как собственные личные и политические мотивы исследователя влияют на это исследование. Поскольку психоанализ рассматривает саму объективность как наполненную желанием и фантазией, любая исследовательская деятельность должна быть подвергнута рефлексивному изучению. В этой связи Хант (Hunt, 1989) **выдвигает на передний план ряд вопросов социологического сбора данных, имеющих значение для критических психологов, занимающихся исследованием, в которое вовлекаются другие люди.** Автор указывает, что «психоаналитическая перспектива выдвигает три чуждых для большинства социологов предположения» (Ibid., P. 25). **Во-первых, «она предполагает, что большая часть мышления и деятельности происходит вне сознательного понимания» (Ibid., P. 25). В таком случае рефлексивный анализ — это место изучения предположений, которые можно принять как должное, а исследовательская группа или совместная супервизия могут быть хорошей возможностью, чтобы осмотреться вокруг и взглянуть критически даже на самое «критическое» исследование.** Второе предположение состоит в том, что бессознательные значения связаны с «сетями значений, которые, в конечном счете, можно проследить до детских переживаний» (Ibid., P. 25). **Здесь Хант имеет в виду то, что в ходе исследования отношения переноса с другими людьми будут проигрывать имевшие место в детстве паттерны отношений с людьми.** Третьим предположением, согласно Хант, является то, что психика «разделена на троичную систему, состоящую из Ид, Эго и Супер-Эго» (Ibid., P. 25).

Держа психоанализ на расстоянии

Теперь, имея в виду второе и третье предположения, выделенные Хант (Ibid.), мы опять-таки должны быть осторожными, чтобы не купиться на целый пакет решений о том, какова на самом деле структура психики. Хант работает в одной из доминирующих в англоговорящем мире психоаналитических традиций, особенно влиятельной в Соединенных Штатах Америки, а именно в традиции «Эго-психологии», поэтому ее способ описания психики — с подверженным иррациональным силам Эго в центре, что заставляет его ошибочно воспринимать других в паттернах переноса, — отражает эту традицию. Как мы видели ранее, кляйнианский взгляд на психику, организованную вокруг «проективной идентификации», видит вещи иначе. Тем не менее, Хант не без пользы привлекает внимание к роли субъективности в исследовании, и здесь существует связь с одной современной инновационной работой в психологии о пересечении субъективности, гендера и расы (Mama, 1995). **Исследование Mama (Ibid.) проясняет, что существует феминистский способ формулирования аргумента о рефлексивности, заимствующий психоаналитические идеи, но также заставляющий нас задуматься о роли психоанализа как чего-то, что мы только хотим стратегически использовать в своем исследовании как временное и находящееся под вопросом.**

Такое стратегическое использование психоанализа, применяющее некоторые психоаналитические идеи, в то же время удерживая данный подход на безопасном

расстоянии, рассматривалось бы психоаналитиками как указывающее на лежащую в основе его рассмотрения «амбивалентность», поскольку представляется, что есть в нем нечто пленительное, но вместе с тем опасное. Только если мы принимаем определенное понятие рациональности, где за все отвечает Эго, в каждой из этих трех областей «стратегическим» сможет быть то, что мы всегда считаем «существенным». То есть мы можем подвергнуть эти подходы критико-психологическому толкованию, обнаруживающему, каким образом они опираются на предположения Эго-психологии, где Эго — хозяин в доме, и его задача — внимательно следить за силами, которые могут нарушить покой. Однако если мы станем размышлять о свободе, с которой можно использовать понятие «амбивалентности», чтобы поставить нам диагноз, как используется психоаналитический язык, мы подойдем к пониманию психоанализа с другой стороны, как части культурно-специфического дискурса.

Культурный психоанализ: работа внутри и рядом с его дискурсом

Вероятно, нам надо относиться к психоанализу всерьез, потому что для многих людей он стал истиной, и поскольку они говорят о вещах, находящихся глубоко внутри, они превращают себя в субъектов, для которых психоанализ будет работать. Некоторые инструменты психоанализа, взятые для размышления над идеологией, могут действительно допускать, что психоанализ истинен, но в то же время те же самые инструменты позволяют нам задуматься о том, как психоанализ сам по себе призывает нас, чтобы мы признали себя в его рамках, и в таком случае он может действовать даже в качестве терапевтического подхода.

Изучение языка, в том числе языка психоанализа, на сегодняшний день является одним из мощных способов рассмотрения психологии критически, и мы опять обратимся к институциональному, клиническому и исследовательскому аспектам.

Институциональные процессы, структурированные как язык

Психоаналитические оценки языка, привлекающие внимание к работе Лакана (Lacan, 1979), весьма полезны при демонстрации того, как работает идеология, чтобы поставить нас в определенную позицию, выстроить в линию. В частности, работа Луи Альтюссера (Althusser, 1971) об «интерпелляции», рассматривающая процесс, которым человек реагирует на то, как идеология «приветствует» или призывает его занять некую позицию, описывает то, как каждый раз, когда мы реагируем, конструируется, воспроизводится и усиливается идентичность (Hayes, 1989). Альтюссер сравнивает процесс интерпелляции с полицейским, выкрикивающим «Эй, вы там», и тут же возникающим у нас чувством, что это нас зовут, виновных или невиновных граждан.

Это описание также имеет отношение к тому, как мы понимаем работу самого психоанализа. Мы можем объединить в идеологию данное описание интерпелляции с другим понятием Лакана, более детально разработанным Жаком-Аланом Миллером, а именно с понятием «экстимности» (чего-то, что переживается «внутри» нас, но в некотором смысле и «вне» нас). По Миллеру (Miller, 1986), «экстимность субъекта — это Другой» (Ibid., P. 77), и интерпелляция действует столь мощно, потому что это процесс, который работает так, будто он внутри субъекта, когда на самом деле он вне его и проявляется в организации языка. Таким образом, феномен бытия «вовне» отмечает устойчивость человеческого опыта, с которым нас лицом к лицу сталкивает психоанализ. Здесь имеются смыслы для роли психоанализа в культуре. Миллер комментирует, что, вероятно, «именно позиция экстимности психоаналитика делает роль евреев в психоанализе столь отчетливой и неизменной» (Ibid., P. 77). **Здесь Миллер обращает внимание на значение евреев в развитии психоанализа — Фрейд и многие его последователи**

в психоаналитическом движении были евреями, — и на то, что, вероятно, именно из-за евреев как важной, но изолированной части культуры, психоанализ имел возможность развиваться одновременно как нечто «внутри» западной культуры и как нечто «вне» ее, как нечто критическое. И снова мы лицом к лицу сталкиваемся с культурно-исторической природой всех теорий, касающихся психологии.

Клинические стратегии для изучения анализа

Такой способ размышления о психоанализе обращает внимание на то, что дабы психоанализ работал, его надо изучать и верить в то, что он работает. Это «изучение» может и не быть явным, его можно постигнуть через манеру речи, которую мы принимаем за должное, в таком случае мы будем «интерпеллированы» в позицию субъекта с бессознательными механизмами защиты. Тогда то, что является для нас «экстимным», будет пережито как нечто находящееся глубоко внутри нас, к чему может проникнуть только психоанализ.

Именно то, что нам ближе всего, на самом деле находится «вовне» и составляет сексуальное наслаждение, которое Лакан обозначил понятием «jouissance» [наслаждение], и которое поэтому может быть «украдено» Другим; «Расизм основан на представлении одного о наслаждении Другого; это ненависть конкретного способа, собственного способа Другого, ненависть переживания наслаждения» (Ibid., P. 79). **Чтобы убедиться, что критика клинического психоанализа расизма** располагает эти процессы, как и любую феноменологическую оценку, исторически, ее нужно подвергнуть критическому толкованию (ср. Couve, 1986).

Исследование дискурса и риторики психоанализа

Исследование в области психоанализа должно быть сосредоточено на способе конструирования формами языка психоаналитических феноменов, как будто они истинны. К примеру, современный тщательный анализ клинических случаев самого Фрейда показал, что процесс «вытеснения» может быть понят как серия риторических стратегий, где кто-то говорит о чем-то, чтобы избежать чего-то еще (Billing, 1999). **Эта работа дополняется анализом того, как разновидности психоанализа циркулируют в культуре в виде форм дискурса, производящего «психоаналитических субъектов» (Parker, 1997).** Тогда то, что мы считаем «психопатологичным», должно стать объектом критического исследования в психологии, но не столько для того, чтобы улучшить клиническую работу, сколько для того, чтобы понять, как мы стали теми субъектами, которыми сами настолько глубоко себя чувствуем.

Это вовсе не означает, что использование психоанализа критически предназначается «критическому психоанализу», и мы должны соблюдать осторожность, подвергая такое использование психоанализа критическому исследованию. Попытки использовать психоанализ таким вот образом можно понимать как попытки использовать его и злоупотреблять им, трактуя его как культурную форму, а не как часть самих нас, как попытки, ведомые невозможными отношениями с психоанализом как чем-то «экстимным». Он тесно связан с нашим собственным опытом, но находится вовне, там, где и должен быть. Именно такое использование психоанализа помогает нам работать в и против психологии, а также в и против психоанализа, дабы остановить его превращение в иную форму психологии и сблизить с критической психологией.

Выводы и связи

Психоанализ предлагает некоторые полезные способы переосмысления «психологии» и оспаривания выдвинутых ею предположений. Однако попутно мы должны оставить идею о том, что новый психоанализ может предложить

испытанную и проверенную альтернативу старой психологии, которая сама по себе структурируется историей расизма в Европе (Тео, 1999). Несмотря на всю ценность психоанализа, он также представляет серьезные проблемы для критических психологов. К тому же он задает вопросы другим теоретическим источникам, которыми мы можем воспользоваться. Хотя можно найти и согласие, существуют моменты серьезных диспутов с другими подходами в рамках критической психологии.

Библиография

1. *Althusser, L.* Lenin and Philosophy, and other essays. — London: New Left Books, 1971.
2. *Bettelheim, B.* Freud and Man's Soul. — London: Flamingo, 1986.
3. *Billig, M.* Freudian Repression: Conversation Creating the Unconscious. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
4. *Couve, C.* Psychology and politics in Manganyi's work: a materialist critique. // Psychology in Society. — 1986. — Vol. 5. — P. 90—130.
5. *Dalal, F.* The racism of Jung. // Race & Class. — 1988. — Vol. 29. — № 1. — P. 1—22.
6. *Daivids, M.F.* Frantz Fanon: the struggle for inner freedom. // Free Associations. — 1996. — Vol. 6. — № 2(38). — P. 205—234.
7. *Elliot, A.* Social theory and psychoanalysis in transition: Self and society from Freud to Kristeva. — Oxford UK and Cambridge USA: Blackwell, 1992.
8. *Fanon, F.* The Wretched of the Earth. — Harmondsworth: Penguin, 1967.
9. *Fanon, F.* Black Skins, White Masks. — London: Pluto Press, 1986.
10. *Hayes, G.* Psychology and ideology: the case of Althusser. // South African Journal of Psychology. — 1989. — Vol. 19. — № 2. — P. 84—90.
11. *Hollway, W., Jefferson, T.* Doing Qualitative Research Differently: Free Association, Narrative and the Interview Method. — London: Sage, 2000.
12. *Hunt, J.C.* Psychoanalytic Aspects of Fieldwork (Sage University Paper Series on Qualitative Methods, Vol. 18). — Beverley Hills, CA: Sage, 1989.
13. *Klein, M.* The Selected Melanie Klein. — Harmondsworth: Peregrine, 1986.
14. *Lacan, J.* The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis. — Harmondsworth: Penguin, 1979.
15. *Mama, A.* Beyond the Masks: Race, Gender and Subjectivity. — London: Routledge, 1995.
16. *Mannoni, O.* Prospero and Caliban: The Psychology of Colonization. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990.
17. *Marcuse, H.* Eros and civilization. — London: Sphere Books, 1969.
18. *Miller, J.-A.* Extimité. // Lacanian Theory of Discourse: Subject, Structure and Society / M. Bracher, M. W. Alcorn Jnr, R. J. Corthell, F. Massardier-Kenney. (Eds.) — N. Y.: NYU Press, 1986. — P. 74—87.
19. *Mitchell, J.* Psychoanalysis and feminism. — London: Allen Lane, 1974.
20. *Moore-Gilbert, B.* Postcolonial theory contexts, practices, politics. — London & New York: Verso, 1997.
21. *Parker, I.* Psychoanalytic Culture: Psychoanalytic Discourse in Western Society. — London: Sage, 1997.
22. *Parker, I.* Critical Psychology: Critical Links. // Annual Review of Critical Psychology. 1999. — Vol. 1. — P. 3—18.
23. *Reich, W.* The mass of psychology of fascism. — N. Y.: Penguin, 1970.
24. *Teo, T.* Methodologies of critical psychology: illustrations from the field of racism. // Annual Review of Critical Psychology. — 1999. — Vol. 1. — P. 119—134.
25. *Venn, C.* Occidentalism: Modernity and Subjectivity. — London: Sage, 2000.
26. *Young, R.* Racism: projective identification and cultural processes. // Psychology in Society. — 1993. — Vol. 17. — P. 5—18.